
Внешние и внутренние границы России и естественные природные зоны на юге в XVI – начале XVIII в.

Юрий Мизис, Андрей Папков

Russia's external and internal borders and the natural areas in the South from the sixteenth to the early eighteenth century

Yurii Mizis (Derzhavin Tambov State University, Russia),

Andrei Papkov (Belgorod State National Research University, Russia)

Термин «граница» часто используется в юриспруденции, географии и истории как для определения пределов территории государства, так и для обозначения зон естественно происхождения. Политические границы, как правило, утверждаются межгосударственными договорами, фиксируются на картах и на местности, а в отсутствие таких документов носят характер традиций и устных договорённостей. Следует обратить внимание на то, что в истории различных государств и народов есть длительные периоды, когда границы, не будучи чётко маркированными, носили «плавающий» характер, являясь не столько границами в современном понимании этого слова, сколько «рубежами», контактными зонами. Можно говорить о существовании значительной области, прилегающей к границам, активно развивающейся и имеющей особый статус и вектор развития. Такую территорию известный американский учёный начала XX в. Д. Тернер назвал «фронтиром»¹. В данной статье мы сосредоточим внимание на вопросах, связанных с понятием «государственная граница», применительно к югу и юго-западу России в XVI – начале XVIII в.

Рассматриваемый регион после татаро-монгольского нашествия XIII в. являлся специфической, слабозаселенной территорией, государственную принадлежность которой трудно определить однозначно. В силу местных географических особенностей (лесостепь и степь) граница здесь была неустойчивой, в отличие от западных рубежей страны, где прочности обороны способствовало наличие естественных преград – рек, озёр, болот и лесов. Для северо-запада и запада России границы утверждались межгосударственными договорами с Польшей, Литвой, а затем Речью Посполитой и Швецией, имели прописанную конфигурацию, официальные разделительные знаки и определённую систему охраны. Для юга России такого порядка долгое время не существовало. Кочевые народы степей и Крымское ханство не устанавливали разделительных линий с Российским государством, предпочитая опираться на традиции, заложенные ещё во времена Орды. Степные просторы к югу от Оки не имели постоянного населения и фактически являлись нейтральной территорией. В силу изменения внешнеполитической ситуации и конфигурации сфер влияния сопредельных

© 2016 г. Ю.А. Мизис, А.И. Папков

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00355а, и в рамках государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки РФ (Задание № 33.956.2014/К).

¹ Тернер Ф. Фронтир в американской истории. М., 2009.

держав в XVI в. даже не сформировался единый термин, определяющий рассматриваемую приграничную территорию.

Соседствовавшие с землями Речи Посполитой и Крымского ханства лесостепные пространства, на которых проживало восточнославянское население, в российских документах конца XVI – первой половины XVII в. именовались «Подем» или «Польской украиной». Русские источники прочно закрепили наименование «Поде» за степными пространствами, располагавшимися между ордынскими владениями и русскими землями². В научной литературе достаточно убедительно показана неправомерность употребления словосочетания «Дикое поде» по отношению к рассматриваемому региону³. «Диким поде» в XVI–XVII вв. обозначалась нераспаханная земля, целина, где бы она ни находилась. С лёгкой руки Конрада Буссова, немецкого очевидца событий Смутного времени, этот термин («*wilde Feld*») стал использоваться историками как географический⁴. В отечественной исторической литературе прочно утвердился термин «Украина» для обозначения Левобережья Днепра⁵. В официальных документах Речи Посполитой употреблялось словосочетание «украинское пограничье» (например, в указе Сигизмунда III 1590 г.)⁶. В географическом значении употреблял термин «Украина» в своей работе, напечатанной в Париже в 1651 г., Г. Боплан, французский инженер, служивший в Речи Посполитой⁷. С таким подходом к терминологии согласны авторы обобщающих работ и иностранные исследователи⁸. Эти и другие факты дали основание к дальнейшему использованию термина «Украина» для обозначения Днепровского Левобережья⁹. М.К. Любавский обратил внимание на изменение содержания термина «Украина» («Украина») в XVI–XVII вв.: изначально в Литве и Польше так называлась вся южная окраина

² *Хорошкевич А.Л.* Куликовская битва и становление национального самосознания русских, украинцев и белорусов // *Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси*. Тула, 2001. С. 63.

³ *Загоровский В.П.* Некоторые вопросы ранней народной колонизации польской окраины России // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1968 г.* Л., 1972. С. 37–38.

⁴ *Буссов К.* Московская хроника. М.; Л., 1961. С. 94.

⁵ *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 418–419; *Алекберли М.А.* Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии во второй половине XVI – первой половине XVII веков. Саратов, 1961. С. 37; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 164, С. 311; *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 17; *Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 66, 229; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. М., 1990. С. 7–8; *История внешней политики России. Конец XV–XVII век.* М., 1999. С. 230, 277–298.

⁶ См.: *Кулиш П.А.* Отпадение Малороссии от Польши. Т. I // *ЧОИДР*. 1888. № 2. Отд. III. С. 52–53.

⁷ *Боплан Г.Л.* Описание Украины. М., 2004.

⁸ *Bushkovitch P.* The Formation of National Consciousness in Early Modern Russia // *HUS*. 1986. Vol. X. P. 356; *Sysyn F.E.* Between Poland and the Ukraine. Cambridge, 1985. P. XIII; 20–31, 136; *idem.* Recent Western Works on the Ukrainian Cossacks // *Slavonic and East European Review*. L., 1986. Vol. 64. № 1. P. 101–102, 105.

⁹ *Заборовский Л.В.* Переяславская рада и московские соглашения 1654 года: проблемы исследования // *Россия – Украина: история взаимоотношений*. М., 1997. С. 43; *Яковлева Т.Г.* Генезис государственной идеи в Украине на примере договоров с Польшей и Россией // Там же. С. 51; *Санин Г.А.* Антиосманские войны в 70–90-е годы XVII века и государственность Украины в составе России и Речи Посполитой // Там же. С. 61; *Канпелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Там же. С. 126; *Скрынников Р.Г.* История Российская. IX–XVII вв. М., 1997. С. 443; *Солодкин Я.Г.* Украинцы в Сибири конца XVI – начала XVII в. // *Социокультурная динамика Ханты-Мансийского автономного округа сегодня и в перспективе XXI века*. Сургут, 1999. С. 37–41; *Смолій В.А., Степанов В.С.* Українська національна революція XVII ст. Київ, 1999. С. 41–61.

обоих государств, а со второй половины XVI в. это наименование стало утверждаться за Киевским и Брацлавским воеводствами. После Деулинского перемирия 1618 г. оно распространилось и на ту часть Чернигово-Северской земли, которая отошла к Польше от России и в 1635 г. образовала Черниговское воеводство¹⁰. Указанное понятие не охватывает российскую часть приграничной территории, хотя созвучный термин использовался и в России.

Положение на приграничных российских территориях осложнялось постоянной борьбой с агрессивными соседями – Крымским ханством, Ногаями, а в дальнейшем с Речью Посполитой¹¹. На протяжении длительного времени степи были источником постоянной опасности для славянского мира. Здесь кочевали татарские отряды, совершавшие набеги, грабежи и уводившие население в рабство. К тому же Днепро-Донская лесостепь, примыкавшая к южной окраине Руси, являлась объектом притязаний со стороны как Российского царства, так и Речи Посполитой и Крымского ханства.

Первая специальная работа, посвящённая Днепро-Донской лесостепи в XVI в., принадлежит И.Д. Беляеву¹². Много сделали для изучения рассматриваемого региона историки конца XIX в. Д.И. Багалеи и И.Н. Миклашевский¹³, исследовавшие преимущественно хозяйственные аспекты освоения Поля в XVII в. М.К. Любавский обратил внимание на столкновение русских колонистов с крымскими татарами, отметив переселение украинцев на южную окраину России¹⁴. С.Ф. Платонов, описывая области Российского государства накануне Смутного времени, дал географическую характеристику Поля, отметив преобладание правительственной колонизации верховьев Сейма, Северского Донца и Оскола над народной в конце XVI в.¹⁵ Изучение истории данного региона через призму его хозяйственного освоения, происходившего на фоне постоянной борьбы с крымскими татарами, продолжили советские учёные¹⁶. Фундаментальный труд, связанный с историей южного порубежья, был написан А.А. Новосельским¹⁷. Однако в работах, посвящённых международным отношениям, исследованию взаимодействия России, Речи Посполитой и Крымского ханства в Днепро-Донской лесостепи внимания почти не уделяется¹⁸.

Итак, комплекс проблем, связанных с Днепро-Донской лесостепью, изучен недостаточно. Между тем сохранившаяся дипломатическая переписка и другие материалы российского приказного делопроизводства позволяют проанализи-

¹⁰ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 335.

¹¹ Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М., 1973. С. 22–23.

¹² Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846.

¹³ Багалеи Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887; Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. М., 1894.

¹⁴ Любавский М.К. Обзор истории... С. 285–311; он же. Наступление на степь. М., 1918. С. 10–19.

¹⁵ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1994. С. 55–62.

¹⁶ Проторчина В.М. Заселение степной окраины Московского государства в конце XVI – первой половине XVII в. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1948; Загоревский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.

¹⁷ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.

¹⁸ Флоря Б.Н. Указ. соч.; Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981.

ровать проблемы международных отношений, связанных с территорией Поля, начиная со второй половины XVI в. С учётом достижений современной исторической науки, плодотворным представляется изучение Днепро-Донской лесостепи как этноконтактной зоны. В научной литературе отмечалось наличие дискуссионного, но мало обсуждаемого вопроса о так называемой Большой границе – границе между двумя группами цивилизаций – европейскими и неевропейскими. Применительно к рассматриваемой территории под этим термином обычно понимают этноконтактную зону между христианским Западом и сначала языческим, а потом мусульманским Востоком.

Однако феномен особой пограничной жизни характерен не только для упомянутого региона¹⁹. Южную окраину России XVI в. вполне можно характеризовать как зону особых социальных условий, порубежье, на котором происходила этническая и социальная интеграция, что соответствует понятию «фронтир», введённому в оборот Ф.Дж. Тернером и активно используемому в историографии²⁰. Легко заметить, что наибольшее развитие в отечественной научной литературе концепция фронта получила применительно к изучению освоения Сибири. Вместе с тем ситуация «подвижной границы» была характерна и для других направлений расширения государственной территории России, в том числе и для южного в XVI–XVII столетиях²¹. Показательными являются труды профессора Иезуитского университета в Чикаго Михаила Ходарковского, изучающего взаимодействие Руси со Степью на основе рассмотрения юго-восточного порубежья, т.е. исследования связей Российской державы с Ордой и татарскими государствами, возникшими после её распада²².

В настоящее время происходит переосмысление роли порубежных пространств в жизни общества отдельных стран и регионов с уходом от интерпретации их как периферийных, окраинных, несущественных. Обращается внимание на значительный потенциал пограничий (культурный, экономический, политический), на их способность выступать в качестве интегрирующего начала, поля широкого взаимодействия, которое способствует развитию территорий, в том числе удалённых от границы. При этом исследования приграничных территорий не сводятся к изучению относительно узкой полосы по обе стороны границы (государственной, административной). Более продуктивным считается рассмотрение обширных пространств, которые корректнее называть порубежными. «Граница» понимается как широкая переходная зона, к кото-

¹⁹ Дашкевич Я.Р. Большая граница Украины // Этноконтактные зоны в Европейской части СССР. М., 1989. С. 7–21.

²⁰ Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и её образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–88; Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005; Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005; Побережников И.В. Канадский и российский фронт: общее и особенное (XVI – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2. С. 25–30.

²¹ См., например: Shaw D.J.B. Southern Frontier of Moscow 1550–1770 // Studies in Russian Historical Geography. L.; N.Y., 1983. Vol. 1. P. 117–142; Мизис Ю.А., Кащенко С.Г. Проблема формирования русского фронта на Юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2011. № 1. С. 9–16; Жуков Д.С., Канищев В.В., Ламин С.К. Фронт и фрактал: подходы к компьютерному моделированию динамики российского фронта // Fractal Simulation. 2012. № 2. С. 26–35.

²² Khodarkovsky M. Russia's steppe frontier. The making of a colonial empire, 1500–1800. Bloomington; Indianapolis, 2002; *idem*. Taming the «Wild Steppe»: Muscovy's Southern Frontier, 1480–1600 // Russian History / Histoire Russe. 1999. Vol. 26. № 3. P. 241–297.

рой применим термин физической географии «экотон»²³. Тем не менее можно заметить, что при всей продуктивности указанного подхода ощущается недостаточная проработанность вопросов истории складывания этноконтактных, порубежных зон.

С присоединением Рязани в 1521 г. завершился процесс образования единого Российского государства. Его территория стала непосредственно соприкасаться со слабозаселёнными степными пространствами. После присоединения к Москве всей Рязанской земли замкнулась Окская оборонительная линия, и князь всея Руси получил возможность по собственной инициативе и усмотрению организовывать и вести оборону южной окраины своих владений²⁴. Они включали все русские земли, не входившие в состав Великого княжества Литовского. Дальнейшее укрепление международного положения страны в представлении правящей элиты связывалось с территориальным расширением. Наличие недружественных и сильных соседей подталкивало Русь к совмещению своих государственных границ с естественными рубежами (горными массивами, болотами, крупными реками, озёрами, морским побережьем), удобными для организации защиты от нападений. Этот процесс на протяжении XVI в. и последующих столетий шёл по нескольким направлениям.

На многих исторических картах и атласах граница России в междуречье Волги и Дона в середине XVI в. находится значительно выше р. Хопёр и далее спускается к р. Северский Донец, а к середине XVII в. она дошла до Северного Кавказа, включая земли Кабарды²⁵. Однако реально земли донских казаков в XVII в. в состав Российского государства не входили, и все переговоры с казачьей верхушкой осуществлялись через Посольский приказ. Донское казачество этнически, лингвистически и культурно было тесно связано с Русью, но всячески подчёркивало свою независимость от неё. Территория к югу от земель Войска Донского являлась традиционным местом кочевий ногаев и крымских татар. Длительное время р. Северский Донец считалась условной границей между Крымской и Ногайской сторонами²⁶. Иногда на правобережье Волги переходили калмыки, спасаясь от воинственных башкир. Тогда баланс сил в степи менялся, ногаи покидали традиционные кочевья и уходили на запад. Такая динамичная граница являлась специфической особенностью функционирования лесостепной и степной областей. На Руси традиционно степняков считали врагами, поэтому длительное время степная территория считалась зоной конфликта и противоборства, а не контакта. Проезжавшие здесь посольства и купеческие караваны подвергались реальной опасности нападения и грабежа.

Долгое время официальной границей России и Степи являлась Ока, куда выдвигались русские войска для отражения очередного похода противника²⁷. Однако уже к XVI в. русские города продвинулись далеко на юг, а к концу столетия появились непосредственно на степном пространстве. Основными формами закрепления новых земель за Российским государством в XVI–XVII вв. являлась линия дальних станиц, которые выезжали на далёкую окраину, ставили на деревьях клейма-знаки государственных границ, а также районы дальних

²³ Экотон – принятый в географии термин, означающий переходную территорию в ландшафтных зонах. В последнее время он стал применяться во многих исследованиях по исторической географии.

²⁴ Любавский М.К. Обзор истории... С. 252.

²⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. Преобразования Петра I. М., 1955.

²⁶ Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895. С. 141.

²⁷ Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916.

бортных ухажав, выделяемых местному населению для хозяйственных нужд. Вопрос о законодательном оформлении этих территорий и границ встал только после Бахчисарайского русско-турецкого договора 1681 г. и был пролонгирован рядом соглашений первой половины XVIII в.

До начала XVI в. степная территория современного Центрального Черноземья находилась под контролем Большой орды, и любая хозяйственная деятельность здесь могла идти только по согласованию с её предводителями. Конфликт с Крымским ханством в начале XVI в. привёл к серьёзному поражению и уходу Большой орды из степей Черноземья²⁸. Эта территория стала слабозаселенной и превратилась в своеобразную буферную зону между Россией, Ногайской ордой и Крымским ханством. Именно с того периода стала возможной активная хозяйственная деятельность русских переселенцев по берегам рек Ворона, Воронеж, Битюг.

Узел противоречий в рассматриваемом регионе завязался в начале XVI в., после того как Северские земли, принадлежавшие Великому княжеству Литовскому, вошли в состав Руси²⁹. Начиная с 1507 г. её владения стали подвергаться постоянным нападениям крымских татар. В Днепро-Донской лесостепи пролегали татарские дороги (сакмы или шляхи), огибавшие лесные массивы и крупные реки. Путь прокладывался, как правило, по водоразделам: на высоких участках степи весной снег сходил раньше, земля высыхала быстрее и появлялась трава, необходимая для лошадей. В XVI в. интересы России на южной окраине определялись не хозяйственными, а стратегическими соображениями. Всё столетие прошло под знаменем освоения русским земледельческим населением территорий южнее Оки. Это движение воспринималось как возвращение на собственные земли, которые русские крестьяне были вынуждены покинуть в результате монголо-татарского нашествия. Русское население продвигалось по степным пространствам совершенно другими путями: земледельцы тяготели к лесистым речным берегам³⁰, точно так же как оседлые жители, жившие здесь до монголо-татарского нашествия.

Колонизация выливалась в борьбу Российского государства, провозгласившего себя преемником Киевской Руси, с Крымским ханством, считавшим себя преемником Орды, впрочем, не заявлявшим об этом открыто³¹. Правительственная стратегия состояла в сооружении новых оборонительных рубежей и строительстве крепостей, защищавших земледельческое население. Колонизация южных окраин приобрела характер не только народной, но и государственной. Это тем более важно, если учесть, что плодородный, но тяжёлый чернозём трудно было «поднять» сохой, которой традиционно пахали русские земледельцы, привыкшие обрабатывать более лёгкие серые лесные почвы (такой грунт отличается маломощной дерниной и непрочной структурой). Поэтому основными агротехническими требованиями при его обработке является не столько подрезывание и оборачивание пласта (что делает плуг), сколько его рыхление и перемешивание, чему более всего соответствует соха³². Тем не менее именно двузубая деревян-

²⁸ Новосельский А.А. Указ. соч. С. 17–33.

²⁹ Похлёбкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. Вып. 2. Кн. 1. М., 1995. С. 363–379; Любавский М.К. Обзор истории... С. 248–249; Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 18.

³⁰ Любавский М.К. Обзор истории... С. 299.

³¹ Новосельский А.А. Указ. соч. С. 41; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // Отечественная история. 1999. № 2. С. 69–77; она же. Русь и Крым: От союза к противостоянию. М., 2001. С. 225–271.

³² Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987. С. 195.

ная соха с железными сошниками в конце XVI – первой половине XVII в. оставалась основным сельскохозяйственным орудием не только в лесном центре, но и в южной лесостепи. Данный факт является ярким показателем приоритета военно-стратегических мотивов колонизации южных степей над хозяйственными, которые проявились позднее. Вместе с тем, судя по описаниям иностранцев, уже в XVI в. имелось чёткое представление о значительно более высоком, по сравнению с центром России, плодородии почвы в Рязанском крае³³.

Днепро-Донская лесостепь оказалась зоной пересечения интересов трёх держав – России, Речи Посполитой и Крымского ханства. Россия стремилась к колонизации этих территорий, что обеспечивало ей определённые преимущества. Во-первых, заселение и освоение указанных земель русскими служилыми людьми позволяло организовать новую линию обороны на пути татарских набегов. Во-вторых, любое продвижение на юго-запад было выгодно, поскольку позволяло эффективнее противостоять польскому давлению на восток. Высшей точкой территориального расширения и укрепления могущества западных противников России в степном регионе явилось заключение в 1569 г. в Люблине унии между Королевством Польским и Великим княжеством Литовским и создание Речи Посполитой³⁴.

Речь Посполитая пыталась помешать усилению России. Между двумя странами не было значительных естественных рубежей, поэтому они постоянно противоборствовали и обосновывали свои территориальные претензии с исторически-правовой точки зрения. Но реального значения юридические доказательства не имели. На первый план вышел другой фактор – колонизация. Тот, кто раньше успевал освоить спорные земли в военном и хозяйственном отношениях, утвердиться на них, тот выигрывал территориальный спор. Примечательно, что заселение южных окраин России и Речи Посполитой началось практически одновременно – в последние десятилетия XVI в.³⁵

Нашествие крымского хана Мухаммед-Гирея через Поле на Москву в 1521 г. ясно показало необходимость пересмотра российской политики на южном направлении. В следующее десятилетие правительство Василия III продолжило совершенствование оборонительной системы на южной окраине страны, впрочем не пытаясь организовать защитные мероприятия непосредственно на путях татарских набегов. В 1530–1540-х гг. достаточно чётко выделяются две пограничные линии на Юге России. Главная – береговая, шедшая по Оке. Южнее располагалась линия «от Поля», центром которой постепенно становилась Тула (в неё входили города: Одоев, Белёв, Бобрик, Пронск, Зарайск, позднее Новгород-Северский, Путивль, Почеп, Карачев, Мценск). В эту линию часто включали и Рязань (Переяславль-Рязанский), которая была выдвинута далеко вперёд от основного окского рубежа. К середине XVI в. линия «от Поля» получила название городов «от Крымской украины». Оба оборонительных рубежа выполняли общую задачу. Анализ записей разрядных книг позволил В.И. Буганову заключить, что в Москве службу «по берегу» и «от Поля» воспринимали как нечто единое³⁶. Были построены каменные крепости в Зарайске и Колом-

³³ Соловьёв С.М. Сочинения. Т. V. М., 1993. С. 361.

³⁴ Фалькович С.М. Исторические судьбы польского народа как фактор формирования национального самосознания и национального стереотипа поляков // Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: механизмы формирования и способы проявления. М., 2011. С. 156.

³⁵ См.: Падалка Л.В. Прошлое полтавской территории и её заселение. Полтава, 1914. С. 53.

³⁶ Буганов В.И. Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны Русского государства конца XV – первой трети XVII в. // Источниковедение отечественной истории. М., 1980. С. 208–209.

не. После опустошительных нападений крымцев на рязанские земли в 1533 и 1535 гг. в целях укрепления подходов с юга к Переяславлю-Рязанскому было принято решение о восстановлении Пронска³⁷.

Уже к середине XVI в. российское правительство осознало невыгодность сложившейся в этом регионе геополитической ситуации и после завоевания Казанского ханства активизировало политику на южном направлении. Взятие русскими Казани и Астрахани в корне изменило ситуацию не только в поволжских степях, но и в Днепро-Донской лесостепи. Теперь здесь главным противником в борьбе за территорию стало Крымское ханство. С того времени началось последовательное строительство русских крепостей на окраине, к которой примыкало Поле. В результате сооружения «городов от Польской украины» Михайлова, Шацка, Дедилова, Болхова, Рязска, Новосили, Орла, Епифани, Данкова и других Российское царство вступило в непосредственную борьбу с Крымом за обладание Полем.

В 1555 г. по решению царя и Боярской думы в пределы Крымского ханства был направлен 13-тысячный отряд И.В. Шереметева-Большого. Тактические цели похода не были реализованы в связи с начавшимся одновременно нашествием крымцев на Москву, завершившимся битвой при Судьбищах 3 июля 1555 г. Тем не менее стратегическая задача – демонстрация возросшей мощи Российского государства – была достигнута³⁸. В 1557 г., помимо традиционного сбора полков дворянской конницы у Оки, был осуществлён выход воевод со служилыми людьми украинских российских городов глубоко в Днепро-Донскую лесостепь – к рекам Быстрая Сосна и Сейм. Таким образом, на территории Поля создавалась временная передовая линия обороны. В дальнейшем, как отметил В.П. Загоровский, пункты расположения русских войск на Поле в 1557 г. стали местами строительства трёх городов – Ливен, Ельца и Курска³⁹. Тем не менее выход к Быстрой Сосне и Сейму не привёл к немедленному закреплению этой части Днепро-Донской лесостепи за Российским царством, а само расположение русских полков на южном направлении не отличалось постоянством и единообразием.

В 1559 г. отряды И.М. Вешнякова и Д.Ф. Адашева нанесли удары по Крымскому ханству со стороны низовьев Дона и Днепра. Однако в операции были задействованы незначительные силы, и она оказалась малоэффективной. В дальнейшем (1560–1562 гг.) российский внешнеполитический курс постепенно изменился: западное направление стало преобладать над южным. Инициатива в Днепро-Донской лесостепи и примыкающих к ней районах перешла к татарам. Вероятно, московское правительство пришло к заключению о недостатке сил для активной обороны южного направления. Противоборство с крымцами требовало постоянного присутствия на берегу Оки значительного воинского контингента независимо от операций на других фронтах⁴⁰. В условиях продолжавшейся Ливонской войны это было невозможно. В июле 1562 г. крымский хан Девлет-Гирей совершил нападение на Мценск и Мценский уезд. Отошедшие от главных сил отряды Дивея-мурзы и Мустафы-аги разорили Болховской и Белевский уезды⁴¹.

³⁷ Загоровский В.П. История вхождения... С. 76–79.

³⁸ Там же. С. 115–121.

³⁹ Там же. С. 127–128.

⁴⁰ Новосельский А.А. Указ. соч. С. 23.

⁴¹ Загоровский В.П. История вхождения... С. 133–141.

После строительства Донкова (1568 г.) активность Российского государства в регионе снизилась, по крайней мере, бурного строительства новых городов на южной окраине страны в два последующих десятилетия не наблюдалось. Общее построение обороны южных границ изменилось. С 1569 г. размещение полков «на берегу» стало обязательным. Толчком к дальнейшему изменению российской политики на южных границах послужили события 1570 г. Нападение крымского хана на Россию в тот год не состоялось, но силы страны пришлось мобилизовать для отражения возможного нашествия. В 1571 г. на Поле начала действовать общероссийская сторожевая служба, организатором которой был боярин кн. М.И. Воротынский. Ежегодно, с ранней весны до поздней осени, в Поле выставались российские «сторожи», одновременно в степь направлялись станицы. Пограничная служба складывалась теперь из трёх элементов:

1) путивльские и рыльские станицы, ездившие по утверждённым в Москве маршрутам;

2) сторожи из окраинных российских городов, стоявшие в утверждённых в Москве местах и наблюдавшие за путями возможных татарских набегов;

3) общероссийские сторожи, располагавшиеся на Поле (первая — у Волги около Караманского леса; вторая — у Вешек на левом берегу Дона, чуть выше устья Хопра; третья — на р. Оскол при впадении речки Убли; четвёртая — на р. Сейм и устье речки Хон).

Реорганизация сторожевой службы России в 1571 г. создала общегосударственную систему охраны южных границ в виде ближних сторож и дальних станиц. Линия сторож как бы закрепляла данную территорию за уездом и часто служила его границей⁴². С 1573 г. вооружённые силы приграничных российских городов объединялись в «украинный разряд» с целью предотвращения прорыва татар к Москве. Вторую линию обороны представлял «береговой разряд» из отрядов дворянской конницы, располагавшихся на берегу Оки. В 1575–1576 гг. расположение общероссийских сторож несколько изменили. Самую западную сторожу с берега Сейма перевели на Северский Донец, на устье р. Уд.

Разорение страны в результате Ливонской войны привело к сокращению количества общероссийских сторож на Поле с четырёх до двух: остались сторожи «на Осколе усть Убли» и на Дону при впадении в него р. Богатый Затон (в каждой из них находилось по 70 человек)⁴³. К тому времени относится попытка официального включения Поля в состав России. Воевода кн. М. Тюфякин и дьяк М. Ржевский отметили особыми знаками границы Российского государства в южной степи⁴⁴. Можно говорить о том, что в конце XVI — первой половине XVII в. появилась новая практика закрепления неосвоенных территорий за Российским государством. С этой целью русское правительство стало посылать в степь специальные военно-географические экспедиции, которые проходили по определённой территории и устанавливали знаки на деревьях в виде «знамён», символизировавших государеву собственность. Все земли к северу от таких линий считались государевыми вотчинами и сдавались в оброк населению в виде бортных и рыбных ухажав. С 1580-х гг. развернулось строительство крепостей непосредственно на Поле. В 1585 г. были основаны Ливны

⁴² Там же. С. 155.

⁴³ Там же. С. 156–187; *Марголин С.Л.* Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Труды ГИМ. Вып. 20. М.; Л., 1948. С. 3–28.

⁴⁴ *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 59.

и Воронеж. Как справедливо отметил В.П. Загоровский, их сооружение должно было способствовать перекрытию татарских дорог и обеспечить фиксацию придонской части Поля за Россией.

В 1591 г. крымский хан Гази-Гирей совершил поход на Москву. Для татар нашествие окончилось неудачей, показав, однако, несовершенство российской оборонительной системы на юге страны. Крымцы прошли к Москве, оставив Ливны слева, а Воронеж – справа. На этом пути в 1592 г. был построен Елец, в 1593 г. – Белгород и Оскол. В двух последних населённых пунктах осенью 1596 г. возвели городовые укрепления, и с того времени их гарнизоны возглавляли воеводы. Вероятно, подобным образом в 1599 г. образовался и город Валуйки, а наиболее выдвинутой в Поле крепостью стал Царёв-Борисов, построенный летом 1599 г. при слиянии Северского Донца и Оскола. Создавалась новая линия пограничных городов с уездами.

Чаще всего процесс заселения территории шёл под контролем правительства: сначала появлялся город-крепость, а затем сельские поселения уезда. Однако в некоторых уездах (Шацком, Лебедянском и др.) сначала возникли помещичьи владения с деревнями и сёлами или дворцовые земли, как это произошло с дворцовой Верхоценской волостью. Таким образом, к концу XVI в. укреплённые поселения Российского царства клином углубились на юг до слияния Оскола с Северским Донцом и близко подошли к татарским кочевьям, что вызвало негативную реакцию Крымского ханства. Речь Посполитая также считала указанную территорию частью Северских земель, отвоёванных у Великого княжества Литовского Россией в начале XVI в., и не отказывалась от намерения их вернуть. После окончания Ливонской войны продвижение польских рубежей на юг и восток стало важным элементом государственной политики Речи Посполитой.

Россией к тому времени был накоплен значительный опыт взаимоотношений с Крымским ханством, что помогало разрешать проблемы, возникавшие в ходе колонизации Польской Украины. В многочисленных грамотах XV–XVI вв., которыми обменивались крымские ханы и московские государи, вопрос о границах не ставился: слишком далеко находились русские владения от татарских кочевий, чтобы он носил актуальный характер. В 1593 г. крымскому хану Гази-Гирею было направлено письмо от царского имени, написанное, вероятно, при непосредственном участии Бориса Годунова. Крыму предлагалась всяческая помощь, вплоть до того, что «на Донце тотчас и два города поставим, и людей многих со многими воеводами на Донец пришем, и начнем вместе с тобою на твоих недругов стояти за один». Таким образом маскировалось невыгодное для Крымского ханства продвижение России на юг, а в качестве компенсации Гази-Гирею было отправлено 10 тыс. руб.⁴⁵ После постройки городов Крым быстро осознал угрозу своему положению в регионе и принял ответные меры. Поскольку уничтожить поставленные крепости крымцы были не в состоянии, они попробовали применить другие средства. В 1601 г. Борису Годунову была послана тайная грамота от Гази-Гирея, в которой он упрекал русского царя за постройку городов на территории своих Донецких улусов, угрожал Москве конфликтом с Турцией и предупреждал о том, что дальнейшее продвижение России на юг «шерть и добро порушит»⁴⁶. Попытка припугнуть Россию турец-

⁴⁵ Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891. С. 32, 33.

⁴⁶ Соловьёв С.М. Сочинения. Т. VIII. М., 1994. С. 396. Шерть – договор, соглашение, закреплённое клятвой на Коране (от арабско-персидского «шэрт»).

ким вторжением была не более чем дипломатической хитростью, и заселение Поля продолжалось.

Как отмечено ранее, воеводы кн. М. Тюфякин и М. Ржевский предприняли попытку зафиксировать границы России на Поле особыми знаками⁴⁷. Позднее русскому правительству пришлось скорректировать расположение станиц и передвинуть их чуть севернее: одну из сторож перевели под Тилеорманов (Тилеорманский) лес при впадении Хопра в Дон, другую – на Дон и устье Богатого Затона. С середины XVI в. среднее течение Северского Донца входило в состав Российского государства и сюда регулярно выезжали станичные казаки из Путивля⁴⁸. С построением здесь Белгорода границы значительно сдвинулись к югу, т.е. уже тогда земли севернее Хопра, среднего течения Дона и Северского Донца были закреплены за Россией.

Во многих русских документах того времени земли, расположенные к югу от этих рек, воспринимались как тяготеющие к татарской территории и назывались крымской или татарской стороной. Соответственно земли к северу назывались русской стороной. Крымское ханство, Османская империя и Речь Посполитая не признавали этих границ, в связи с чем официального рубежа, закреплённого в международных соглашениях, не было. Территории считались спорными, на них претендовали и кочевники, и подданные России. Такая неопределённость позволяла кочевникам грабить и захватывать в плен русских бортников и станичников.

Вопрос о совпадении линии границ с природными рубежами требует особого изучения. Даже линия по берегу Оки не совсем совпадала с началом лесостепной зоны. Как считают специалисты, северная граница лесостепи проходила по линии Казань–Рязань–Калуга–Брянск⁴⁹. Укрепления Белгородской, Тамбовской и других черт также не совсем совпадали с южной границей лесостепной зоны, которая шла по линии Воронеж–Самара. Естественные природные границы ощущались местным населением как разные климатические, природно-ландшафтные и почвенные зоны. Климат в этих местах умеренно-континентальный, с тёплым летом и менее морозными зимами, меньшим количеством осадков, чем в лесной зоне, значительным числом рек и небольшим распространением болот. Лесные массивы здесь перемежались с большими степными участками. Длительное время, до 1680-х гг., русская колонизация не выходила за пределы границы между лесостепью и степью. Помимо татарской угрозы, возможности освоения степных просторов ограничивало отсутствие лесных ресурсов.

Строительство с 1635 г. Белгородской, Тамбовской, Шацкой и других оборонительных черт привело к резкому сдвигу заселённых южных границ государства. Колонизационный процесс вёл к экономическому освоению новых земель, появлению городов и сельских населённых пунктов, путей сообщения, что вызывало протест кочевников. Татарские мурзы в 1637 г. высказывали русским посланникам недовольство перекрытием Ногайской дороги, а затем и других шляхов, которые считали своей территорией⁵⁰.

⁴⁷ Загоровский В.П. История вхождения... С. 167.

⁴⁸ Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969; он же. Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 46.

⁴⁹ Дулов А.В. Географическая среда и история России. М., 1983. С. 10.

⁵⁰ Новосельский А.А. Указ. соч. С. 236.

Юг России в XVII в.

— · — Границы России к сер. XVII в. — — Границы Войска Донского — — Границы России до 1696 г.

Кроме формирования государственных рубежей, шёл процесс складывания границ прилегающих к ним уездов. Они имели чёткие разделительные линии с соседними уездами, проведённые воеводами. Так, границей между Тамбовским и Козловским уездами служили реки Матыра и Челновая, что было официально зафиксировано в ряде документов. На юге же следует различать заселённую и хозяйственную зоны, первая из которых определялась наличием населённых пунктов и укреплений. Выстроенная линия укреплений Белгородской, Тамбовской, Шацкой, Инсаро-Симбирской черт становилась чёткой разделительной линией заселённой части уездов на юге государства. В 1647 г. специальным царским указом запрещалось иметь населённые пункты к югу от линии укреплений. Козловскому воеводе Р.Ф. Боборыкину пришлось выполнять царский указ и переводить сёла и деревни бывшей вотчины боярина кн. Д.М. Пожарского внутрь уезда⁵¹. Такие же процедуры совершали воеводы других южнорусских городов.

⁵¹ Мизис Ю.А. Воевода Московского царства. Р.Ф. Боборыкин на государственной службе. Тамбов, 2012. С. 219–221.

Хозяйственная зона уезда не имела чётких очертаний и включала многочисленные ужоаи, сдаваемые воеводами внаём населению для охоты, рыбной ловли и бортничества. Бортные угодья считались государевой собственностью (ведались приказом Большого дворца) и сдавались на оброк всем желающим с уплатой соответствующего налога. Они располагались зачастую до Хопра, куда регулярно выезжали крестьяне и служилые люди. Сюда же отправлялись местные станицы и сторожи. Оформление к 1658 г. Белгородского полка численностью около 20 тыс. человек под командованием воеводы Белгородского разряда создало на юге России серьёзную базу для дальнейшего освоения и включения Днепро-Донской лесостепи в состав Российского государства⁵². Инициатива полностью перешла к русскому правительству, которое стало разговаривать с крымскими и ногайскими татарами в основном с позиции силы. Вплоть до конца XVII в. эти традиции неизменно сохранялись. Российское правительство и местное население считали эту территорию своей, военным путём отстаивая её от нападений кочевников.

В условиях постоянного перемещения населения по Северной и Польской Украине и продвижения русской колонизации в глубь Поля особую остроту приобретал вопрос установления границ России и Речи Посполитой. Первые сведения о посылке на рубеж межевых судей с целью уточнения границ содержатся в «Бельском летописце» под 1603 г. Эта попытка оказалась неудачной: «литовские люди, наруша мирное поставление, рубежей разводить не дали. А положили рубежи мимо договора своим произволом, зашедчи многие места московских городов»⁵³. В условиях Смутного времени Российское царство не смогло отстоять свои интересы. В дальнейшем положение изменилось, и в наиболее заселённых пограничных районах после подписания Деулинского перемирия началось размежевание территории. В 1619–1622 гг. была установлена российско-польская граница в Комарицкой волости⁵⁴.

Даже после Смоленской войны вытеснить Россию с Поля Речь Посполитая не сумела. Летом 1634 г. было проведено размежевание земель между Путивлем, Новгородом-Северским, Трубчевском, Стародубом, Почепом и Черниговом, по государственной принадлежности которых не возникало разногласий. Межевые комиссары решили съехаться к 1 июня следующего года для решения вопроса о спорных территориях⁵⁵. В 1635 г. от литовско-польских послов последовало предложение: «абы межи великими господами ссоры вперед не было, того надобе, абы великие господаи оба на разграничение судей межевых, людей богобойных и умных выслали, и абы водлуг договорных посолских записов границы шли по старым рубежах; а то што король его милость пан наш, и Речь Посполитая, за первым подаяньем, в перемирные лета через чотырнадцать годов спокойно держали, абы вжо в жадную вонтпливость привожено не было: бо то до великих трудностей и новых заводов причину и оказию дать бы могло, яко ж уже путимляне хочут собе присваивати не только кгрунты, але и некоторые города и места, которые завжды до короны Речь

⁵² Загоровский В.П. Белгородская черта. С. 277–290.

⁵³ ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 240.

⁵⁴ Godziszewski W. Granica polsko-moskiewska wedle pokoju polanowskiego (wytyczona w latach 1634–1648). Kraków, 1934. S. 8–9.

⁵⁵ Бантыш-Каменский Н.Н. Переписка между Россиею и Польшею. Ч. III. М., 1862. С. 70.

Посполитая польская держала»⁵⁶. При размежевании путивльских и новгород-северских земель в том же году возникли споры по поводу государственной принадлежности 15 городков, 10 острогов, 2 «осад», 19 слобод, 32 сёл и 21 деревни. Определить границу между Новгород-Северским поветом Речи Посполитой и Рыльским уездом Российского царства смогли только до р. Сейм. Около 420 км границы, пролежавшей южнее, остались не демаркированными, так как возникли неразрешимые противоречия⁵⁷. Процесс размежевания вылился в длительный территориальный спор между Россией и Речью Посполитой. Стороны использовали любые средства для достижения выгодных им результатов.

В 1638 г., после продолжительных споров, была проведена русско-польская граница между Северскими и Полтавскими землями. По её линии были установлены межевые знаки: выкопаны разделительные рвы, поставлены кресты, сделаны затеси на деревьях. Иногда на деревьях высекали буквы: «W» (Владислав. — *Авт.*) — с польской стороны и «ЦМ» (царь Михаил. — *Авт.*) — с русской⁵⁸. А вот размежевание в районе Новгород-Северский — Чернигов — Черкасы (Речь Посполитая) и Брянск — Путивль (Российское царство) прекратилось в 1644 г. из-за невозможности разрешить земельные споры⁵⁹.

Длительные дискуссии о месте пролегания границы являлись отражением многолетней борьбы двух государств за гегемонию в рассматриваемом регионе. Польский историк В. Годзишевский предположил, что захват Азова донскими казаками при поддержке запорожцев сделал реальной возможность ответного удара Турции по России и Речи Посполитой. Данное обстоятельство способствовало сближению двух держав и привело к объединению их усилий на южных рубежах⁶⁰. Но несмотря на изменение международной обстановки, подталкивавшее Россию и Речь Посполитую к сближению, в течение последующего десятилетия вопрос о границе оставался нерешённым. Только в 1647 г. она была определена между Путивльским уездом и черниговскими, черкасскими землями, относившимися к Королевству Польскому⁶¹. Недрыгайлов был уступлен России, за что И. Вишневецкий получил большую территориальную компенсацию в бассейне р. Хорол. Граница прошла по р. Ворскле. Во владения Российского царства попали г. Олешня и городище Ахтырка. Южнее граница чётко не маркировалась и оканчивалась на линии Муравского шляха. Далее простирались степи, на которые предъявляли свои права Россия, Речь Посполитая и Крымское ханство⁶².

Нетрудно заметить стремление Речи Посполитой сохранить выгодно сложившиеся для неё границы. Однако Россия не отказывалась от претензий на некоторые земли, находившиеся под властью Польского королевства. Выдвижение варшавским двором предложения о размежевании логично связать с

⁵⁶ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. V. СПб., 1853. № 11. С. 21.

⁵⁷ Godziszewski W. Granica... S. 18–20.

⁵⁸ Василенко Н.П. Очерки по истории Западной Руси и Украины // Русская история в очерках и статьях. Т. III. Киев, 1916. С. 574–575.

⁵⁹ Godziszewski W. Granica... S. 40; РГАДА, ф. 389 («Архив Оружейной палаты»), оп. 1, кн. 597, л. 14 об.–26; кн. 598, л. 223–288.

⁶⁰ Godziszewski W. Polska a Moskwa za Władysława IV. Kraków, 1930. S. 66.

⁶¹ Акты, относящиеся к Малороссии. Из документов Московского архива министерства юстиции [без титульного листа]. № 1. С. 1; РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 650, л. 2–14.

⁶² Godziszewski W. Granica... S. 41–79.

началом работ по строительству Белгородской черты. Видимо, польское правительство осознало, что создание Российским царством сети мощных укреплений значительно усилит его позиции в регионе, что может поставить под угрозу территориальные приобретения Речи Посполитой. Надо полагать, необходимость решения вопроса о границе понимали обе стороны, но поступаться своими интересами для его урегулирования никто не хотел.

Несколько иначе складывалась ситуация с определением границы между Россией и её степными соседями. Лесостепные пространства, расположенные между Днепром и Доном, не являлись местом постоянного обитания крымцев. Будучи кочевниками, они не могли освоить и надежно закрепить за собой бассейны Северского Донца и притоков Днепра и Дона, но рассматривали эти земли как часть Крымского ханства и использовали их как место летних кочевий. Эта территория в конце XVI в. играла роль своеобразного буфера между Россией и Крымом. Такое положение делало ханство практически неуязвимым: в случае похода на него русским войскам длительное время пришлось бы продвигаться по безводной степи с громоздким обозом. Хан же имел возможность собрать силы и изнурять противника постоянными нападениями небольших отрядов. Буферная зона являлась также удобным местом для концентрации татар перед набегами.

В первой половине XVII в. между Россией и Турцией регулярно шёл обмен посольствами и официальными грамотами. Как правило, приезд представителей султана в Москву сопровождался возвращением русских послов из Константинополя, а обратный отъезд турок в Стамбул – отправлением очередного русского посольства к султану⁶³. Однако во время переговоров вопрос о границах между Россией и Турцией не ставился, так как для Османской империи был малозначительным.

Вопрос о южных степных границах впервые был поднят в ходе посольской миссии В.М. Тяпкина в 1666 г. в Константинополь, когда он, возвращаясь в Москву, заехал в Бахчисарай. В 1669 г. была подготовлена договорная грамота с крымским ханом о дружбе и запрете разорять города по обе стороны Днепра. Официальный статус южных границ России был утверждён только при подписании Бахчисарайского мира в 1681 г.

Русско-турецкая война 1676–1679 гг. не выявила явного победителя, хотя русские войска и вынуждены были сдать Чигирин. Основное место в мирном договоре отводилось оформлению границы между Турцией, Крымским ханством и Россией. Ещё в конце 1679 г. в Крым к хану Мурад-Гирею были отправлены из Москвы посол Иван Сухотин и дьяк Василий Михайлов, но их миссия не принесла результата. В августе 1680 г. для заключения перемирия в Крым выехали В.М. Тяпкин и дьяк Никита Зотов. Во время переговоров с крымским ханом и его ближним окружением встал вопрос о границе. Крымская сторона соглашалась установить её только по Днепру, ссылаясь на договорённости с прежним посольством⁶⁴. Русские посланники настаивали на проведении разграничительной линии по рекам Россе, Тясмине и Ингуле. Представители хана первоначально ответили категорическим отказом, но затем стали намекать на предоставление специального описания границы вместе с чертежом. Тогда

⁶³ Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. II // Учёные записки МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 94. 1946.

⁶⁴ Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году для заключения Бахчисарайского договора. Одесса, 1850. С. 73–85.

посланники представили им приблизительный чертёж границы, выполненный секретарём гетмана И. Самойловича Семёном Раковичем на немецком печатном чертеже Московского государства вместе с Днепром, Крымом и Понтийским морем. Тем не менее окружение крымского хана наотрез отказалось от русских предложений, не соблазнившись даже крупной денежной суммой в 10 тыс. золотых червонцев. Детали договора были обговорены с ханом, но мирный договор, заключённый в Крыму, нуждался в утверждении турецким султаном. С этой целью в 1681 г. в Константинополь отправился дьяк П. Возницын, который и подписал Бахчисарайский мир. Основные его положения предусматривали запрет на строительство ханских и султанских городов, в том числе на местах старых казачьих городков от р. Бог (Буг) до Днепра. Крымским, очаковским и белгородским татарам разрешалось «вольно по обе стороны Днепра, на степях около речек кочевать и для конских кормов и звериных промыслов ездить и стада и товары свои пасти»⁶⁵. Граница же между Турцией и Россией устанавливалась по Днепру. Россия присоединяла Левобережную Украину, Запорожье и Киев с городами Васильков, Стайки, Триполье, Радомышль, Дедовщина. В течение 20 лет территория между Днепром и Бугом оставалась нейтральной и незаселённой, на ней обе стороны не имели права строить и обновлять укрепления; крымцы и ногайцы сохранили право кочевать и промысливать на обоих берегах Днепра⁶⁶.

Ситуация изменилась в 1696 г. после взятия войсками Петра I Азова. Русские захватили крепость в устье Дона, построили Таганрог, начали осваивать огромные степные пространства вплоть до Азовского моря. Это вызвало беспокойство Османской империи и крымского хана. Спор частично разрешился мирным Константинопольским договором 1700 г., по VI и VII статьям которого за Турцией оставалась южная Киевщина, Брацлавщина и Подолье. Вопрос о степях Черноземья договор не затрагивал и отдавал на усмотрение татаро-русским традициям. Земли к югу от Азова до Кубани оставались за крымскими и ногайскими татарами. Фактически границы России вплотную подошли к Крымскому ханству. Однако неудача Прутского похода на некоторое время приостановила продвижение Российского государства в южные степи. По Прутскому договору 1711 г. Россия обязалась отдать Турции Азов, срыть укрепления Таганрога и других крепостей⁶⁷.

Адрианопольский мирный договор, заключённый 13 июня 1713 г., на 25 лет закрепил сложившуюся ситуацию. Россия в 60-дневный срок должна была вывести из Речи Посполитой войска, находившиеся преимущественно на территории Правобережной Украины. Русско-турецкая граница переносилась до непосредственных рубежей Левобережной Украины – в междуречье Самары и Орели, и далее на юго-восток по Северскому Донцу. Россия теряла восточную часть Запорожья и была полностью отрезана от Азовского моря. Войскам Речи Посполитой разрешалось занять территорию Правобережной Украины. Российское государство подтверждало соглашения 1711 и 1713 гг., в том числе признавало юрисдикцию Турции над Войском Запорожским. Новые границы России получили официальный международный статус.

⁶⁵ ПСЗ-I. Т. 2. № 864. С. 308; Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 5.

⁶⁶ Юзефович Т. Указ. соч. С. 143.

⁶⁷ Там же. С. 5, 12–13.

Окончательному оформлению южных границ России мешали постоянные набеги крымских татар и других кочевых народов. Особенно разрушительным был учинённый в августе–сентябре 1717 г. калмыками «кубанский погром», после которого по указу Петра I в 1718 г. было начато строительство новой оборонительной линии. В тот период русское правительство решило закрепить за собой уже занятую новую территорию и создавало традиционную систему полевых укреплений. Царицынская линия, выстроенная по указу Петра I в 1718–1722 гг. «для охранения от нечаянных татарских набегов», представляла собой систему крепостей, соединённых в одну оборонительную цепь, и стала элементом тактики постепенного выдавливания кочевников на юг и восток. Она была сооружена от Царицына до станицы Качалинской – места максимального сближения Волги и Дона. Защищённое пространство стало быстро осваиваться переселенцами из северных уездов. Новая линия заслоняла южные границы России от набегов кочевников, позволяла контролировать сухопутную торговлю Москвы с низовьями Волги и Дона, а также выполняла роль санитарного кордона от эпидемий чумы и холеры, где осуществлялся осмотр и карантин заболевших. К тому же с 1740–1760-х гг. здесь осуществлялся контроль русско-калмыцкого пограничного взаимодействия. Царицынская линия просуществовала до 1776 г. и была ликвидирована после строительства Моздокско-Азовской.

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. и заключение Белградского мирного договора (1739 г.) завершили ещё один этап в борьбе России за южные границы. Она приобрела Азов (при условии срытия укреплений), небольшие территории на Правобережной Украине вдоль среднего течения Днепра и право построить крепость на донском острове Черкас вблизи бывшей Азовской крепости. Эта земля должна была стать границей с Портой⁶⁸. Большую и Малую Кабарду объявили независимыми – они должны были играть роль барьера между державами. России запрещалось иметь военный флот на Азовском и Чёрном морях, восстанавливать здесь военные городки, а торговлю с Османской империей разрешалось вести только с использованием турецких кораблей. Тем не менее в итоге к середине XVIII в. Российская империя продвинула свои границы далеко на юг и вышла к предгорьям Кавказа. Порта и её вассал Крымское ханство уже не могли активно сопротивляться этому натиску и для оказания давления на Россию искали союзников в Европе.

В процессе формирования южных границ России использовались различные приёмы: строительство в XVI в. отдельных опорных пунктов в виде городов-крепостей, заселение уездов, выдвижение в степь сторож и передача части степных территорий под бортные ухажай с целью их хозяйственного освоения. С XVII в. русское правительство изменило тактику давления на кочевников – стало строить укреплённые линии, заселять уезды, хотя прежнее значение станиц и бортных ухажав сохранялось. Процесс включения Днепро-Донской лесостепи в состав России активизировался при Петре I, который перешёл к присоединению новых территорий путём военных действий и строительства там укреплённых линий.

⁶⁸ Там же. С. 17.